

УДК 14

© Л. Е. Бляхер, 2006

РЕВОЛЮЦИЯ ЗАДНИМ ЧИСЛОМ

Бляхер Л. Е. – завкафедрой «Философия и культурология», д-р филос. наук, проф. (ТОГУ)

11 – 12 февраля 2006 года завершился годичный проект, посвященный анализу понятия и метафоры «революция» в современном политическом дискурсе. Более 20 человек, представляющих очень разные исследовательские традиции, политические взгляды, да и научные дисциплины, приняли в нем участие. Организаторами проекта выступили журнал «Полис» и три человека, так или иначе с этим журналом связанных (Екатерина Лобза, Борис Межуев и Леонид Бляхер). В течение года участники проекта пытались ответить на два банальных вопроса. Первый – что такое революция, кроме того, что у верхов импотенция, а у низов фригидность? Второй – почему вдруг, а оно, действительно, вдруг, понятия «революция», «революционный» приобрели невероятную популярность у самых разных политических сил в нашей стране. Ведь еще пять – шесть лет назад слово «революция», если не имело откровенно бранного оттенка, то отнюдь не считалось политкорректным. Сегодня ситуация меняется радикально. Интеллектуалы – от Г. Павловского до Б. Кагарлицкого – говорят и спорят о революции. Быть революционером становится модно. В России за это звание спорят НБП Э. Лимонова, антиглобалисты и многие другие левые и не очень силы, полностью оттеснив от «революционного знамени» КПРФ. Да и в мире образ Че Гевары приобретает все большую популярность. В последние годы всплывает в самых неожиданных местах идея мировой революции, казалось, окончательно похороненная еще в середине прошлого века.

Два раза участники «революционного проекта», как и положено революционерам, собирались на «конспиративной квартире». Роль конспиративной квартиры с успехом сыграл учебный центр Международного института политики и культуры (п. Черкизово Московской области). Здесь, в стороне от актуальных политических баталий, собирались те, кого А. Филиппов, участвующий в семинаре, обозначил как «сообщество наблюдателей».

Первый семинар (октябрь 2005) проходил, как понятно из самой даты, под знаком двух революций: октябрьской революции в России и «оранжевой революции» на Украине. Проблема, которую поставил А. Окара, звучала так: как меняется течение политического процесса, когда его называют революцией? Почему один политический катаклизм называют революцией, а другой, очень похожий – нет? Почему, скажем, президентские выборы на Украине стали «оранжевой революцией», а не менее бурные события в Москве 1991 года не стали? Ответить на этот вопрос попытался автор этой статьи, проанализировав историю метафорических переносов, связанных со словом «революция». Понятие «революция», как и любая политическая метафора, вводится в политический дискурс с конкретной целью – дезавуировать его. Некие политические силы оказываются вытесненными за пределы политического пространства. Само их наличие и любое предпринимаемое ими действие наделяются именем с выраженным негативным смыслом. Чтобы «вернуться», им нужно выстроить альтернативную классификацию (Дж. Лакофф) мира политики, где именно они окажутся носителями наивысших смыслов и ценностей. Но даже на этом фоне метафора «революция» выделяется. Она, как показал Б. Межуев, обладает наиболее сильной энергетикой в сравнении с любым другим политическим понятием. В смысловой комплекс, обозначенный словом «революция», еще со времен Великой французской революции входит победоносность. Революция всегда (по определению, вошедшему в семантическую структуру термина) сражается на стороне более прогрессивного против отжившего, мешающего развитию политического строя. Тем самым концепты «заговор», «вражда», «смута» лишаются негативного содержания, становятся «революционной борьбой». Чем более сильный негативный смысл приписывается данному политическому действию, тем больше вероятность, что оно примет название «революция». Советский режим к началу 90-х годов был дискредитирован настолько, что в слове «революция» просто не было нужды.

Своеобразие рецепции понятия «революция» в русском философском дискурсе было представлено в выступлениях Б. Межуева и А. Павлова. Революция здесь выступает как некая трансцендентная сила, являющаяся олицетворением Европы. Европе, погрязшей в скептицизме, оказывается нечего противопоставить «Свободе на баррикадах». Альтернативой и главным оппонентом революции в трактовке русских консервативных философов выступает... Россия. Оппозиция Россия и Революция, точнее или Россия, или Революция красной нитью проходит через политический дискурс в нашей стране. Эта тема, как показал Б. Межуев, была своеобразно продолжена и в писаниях «отцов» социалистической революции в России. Интернационализм революционе-

ров был продолжением оппозиции Россия vs Революция. Особенно ярко это видно у автора идеи «перманентной революции». Хотя, как отметил докладчик, с начала XX столетия тяжесть оппозиции все более смещалась от России к Революции. Непосредственно перед событиями 1917 года нереволюционеров, включая царствующий дом, в России почти не оставалось.

Тему «перманентной» и «мировой революции» подхватила Е. Лобза. По ее мнению, идея мировой революции была ключевой идеей политики «старых» большевиков. Запад, европейский рабочий класс, обуржуазился, потому утратил энергию преобразования. Но в предшествующий период Европой было совершено страшное деяние – был разбужен «Восток». Восток с его неповоротливостью, традиционализмом просто проглотит «Запад», если тому не будет сообщена дополнительная энергия. Революция и должна сообщить эту энергию, а Россия – стать «топливом» в «пожаре революции». Образ революционного пожара и революционного потопа, от которого невозможно спастись, выступает ключевым предикатом к понятию революция. Итогом такой революции выступает «новая земля и новое небо», полностью обновленный мир. Интересно, что уже у следующего поколения большевиков тема «мировой революции» постепенно сходит на нет, заменяется «мировым революционным движением», а еще позже «прогрессивным человечеством». Постепенно идею революции перехватывает либерализм (глобальная демократическая революция), реализуя ее через революции «с предикатами» (бархатная революция, оранжевая революция, революция роз и т. д.). Смысл предикатов – в нивелировании памяти о «революционном терроре». Революции «с предикатами» репрезентируют себя как бескровные революции, противопоставленные прошлым, кровавым революциям.

Не меньше идей и тем было рассмотрено в ходе обсуждения докладов, общей дискуссии. В ней приняли участие также Е. Надеждина (ГУВШЭ), В. Лапкин (журнал «Полис»), О. Погонина (НЛЮ). Было определено, что существует три не вполне соотносимых смысловых комплекса. Революция как метафора, сообщающая чему-либо «прогрессивный», победоносный оттенок. Революция как понятие философии и позитивной науки, обозначающая некое «объективное» положение дел. Революция как элемент бытового дискурса и данность. Люди просто знают, что сейчас идет революция. В последнем случае революция обладает особым – карнавальным – хронотопом. В отличие от нормальной (в смысле Т. Куна) политики как кабинетного действия революция представляет собой действие площадное. Она, в отличие от «нормальной» политики, принципиально видима. Как и при карнавале, в революции происходит «переворачивание ценностей». Политические

ценности, находящиеся в запредельной, трансцендентальной области, «спускаются» до уровня «фамильярного контакта». Возникает возможность их оспорить и отвергнуть, учредить новые. Выполнение/ невыполнение революцией своей учредительной функции ведет к появлению «оборванной революции».

Обсуждение ситуации «славной революции» и частого спора: был в октябре 1917-го года переворот или это была революция, привело к постановке вопроса: а может ли революция быть учреждена «задним числом»? Этот вопрос было решено оставить на следующий семинар.

Второй семинар получился гораздо более представительным по составу участников: присоединились С. Патрушев (ИНИОН РАН), А. Филиппов (ГУВШЭ), А. Магун (Европейский университет в Санкт-Петербурге), В. Цымбурский (ИФРАН), А. Антощенко (Петрозаводск), ряд молодых исследователей. Отличался он и гораздо более явной теоретической направленностью. Тон задал А. Филиппов, предложивший свое видение революции как абсолютного события в контексте теории социальных событий. По мнению докладчика, в рамках сообщества тех, кто выносит суждения о политике, все более явно выделяются «просвещенные» и «посвященные». Первые обладают статусом наблюдателей (экспертов) и умением анализировать. Вторые просто знают, как принимаются политические решения, допущены к их принятию. В этом контексте мнение «просвещенных» о смысле политических событий мало отличается от мнения любых других участников «разговоров о политике». Для сохранения статуса наблюдателя предполагается выделение особой единицы анализа - события. События образуют фигурации и ограничиваются "горизонтом событий" (дальнейший анализ не имеет смысла). Они связаны не казуально, а индуцируются одно другим. Политическими событиями выступают события, "нарушающие естественный ход вещей" (социальную реальность), принципиально не-рутинные события. В числе событий выделяются абсолютные события, т. е. такие, фиксация которых не зависит от характера наблюдения (которые нельзя не заметить). К таковым относятся события рождения и смерти, религиозное событие и учредительное событие. К последней разновидности события и относится революция. Она учреждает новую онтологию (новую землю и новое небо).

Несколько иную точку зрения представил А. Магун. Ориентируясь на философскую концептуализацию понятия «революция», он выдвигает понимание событий 90-х годов XX столетия как революционных. С его точки зрения, революция – это не окончание, а начало длительного процесса преобразований, которые одни только и могут привести к подлинному освобождению. Революция разрушает барьеры

(стены) разделяющие конфликтующие стороны и переводит любой социально-политический конфликт во внутреннюю плоскость. Тем самым запускается механизм самоорганизации с целью самосохранения общества, вырабатываются новые, более адекватные себе формы социальной и политической жизни. В отличие от доклада А. Филиппова, конструирующего и закрепляющего позицию наблюдателя, А. Магун выдвигал и ряд практических следствий из своего выступления. Революция конца 80-х – начала 90-х годов была оборвана. Задача российского общества – продолжить ее.

Несколько особняком стояло выступление Е. Надеждиной об использовании революционной символики в массовой культуре: роке, рекламе. Так, сравнивая песни 90-х годов, посвященные революционной тематике, она отмечает крайне негативный смысл слова «революция». Это, по мнению докладчика, связано с тем, что понятие «революция» было жестко привязано к отвергаемому политическому строю и «приватизировано» господствующим дискурсом. Именно это привело к тому, что слово «революция» по отношению к событиям начала 90-х годов произнесено не было. Современный рок, реклама, поп-арт «реабilitируют» концепт «революция». За право именоваться революционером и носителем революционности ведется борьба.

В прениях выступили С. Патрушев, В. Цымбурский, Е. Лобза, Л. Бляхер, А. Антощенко и другие участники. Е. Лобза предложила поразмышлять о замене образов «пожара» и «потопа» в революционных текстах начала XX века образом «волны» в современном дискурсе. По ее мнению, этот новый образ существенно смягчает апокалипсические мотивы первых. Основной темой дискуссии стал революционный дискурс в современной России. По мнению В. Цымбурского, отличие современной ситуации от ее предшественницы в XVIII – XIX вв. состоит в изменении состава участников конфликта. Конфликт прошлого возникал между городом и деревней. Конфликт XX века протекает между городом и мегаполисом. Новый конфликт не меняет участников, но меняет знаки. В России идет городская революция. Город наступает на мегаполис.

С. Патрушев выразил сомнение в том, что событие, даже абсолютное событие революции, без его содержательной проработки может что-то дать для понимания политических процессов, происходящих в России. Событие должно быть понято и истолковано. Другой вопрос, что политика сегодня не дает оснований для понимания. Здесь, по его мнению, к которому присоединились и другие участники дискуссии, и кроется причина популярности «революционного» дискурса. Значительные и социально активные группы оказались сегодня вытесненными из политики. Особенно это касается различного рода полити-

ческих экспертов, консультантов, активных участников политического процесса 90-х годов. Для них вернуть себе лидерство возможно только через революционную риторику. Это может быть отнесено и к левым движениям, и к правым националистам. Однако если первые остаются в русле «теоретических рассуждений», то вторые могут стать реальными глашатаями социального недовольства масс.

С другой стороны, не менее активны в революционном дискурсе и сторонники существующего режима. Здесь конституирование революции выступает средством борьбы с революцией. Выстраивание революции «задним числом» из событий конца 80-х – начала 90-х годов дает основания видеть в антисистемных движениях XXI века контрреволюционные, тем самым отбирая у них энергетику революции.

Семинар отличался отсутствием жесткой «академической» формы. Споры выплескивались в кулуары, продолжались во время перерывов. Оно и понятно: революция. Множество тем осталось «на потом». В конце семинара последовало предложение С. Патрушева от имени Российской ассоциации политических наук продолжить обсуждение революционных проблем в новом формате – «виртуальной мастерской» «Новые пространства политики и способы их изучения». Так, что все еще только начинается.